

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Киплинг

Рикки-Тикки-Тави

Это рассказ о великой войне, которую вел в одиночку Рикки–Тикки–Тави в ванной большого дома в поселке Сигаули.

Дарзи, птица–портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса (ондатра, водится главным образом в Северной Америке. – Ред.) – та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а все крадется у самой стены, – давала ему советы. Но по–настоящему воевал он один.

Рикки–Тики–Тави был мангуст (небольшое хищное животное с вытянутым гибким телом и короткими ногами, водится в тропических странах. – Ред.). И хвост, и мех были у него, как у маленькой кошки, а голова и все повадки – как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться, где вздумается, все равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щетку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки–тикки–тикки–тикки–чк!

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался, как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и так он держался, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припеке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой–то мальчик в это время сказал:

– Мертвый мангуст! Давай устроим похороны!

– Нет, – сказала мальчику мать, – возьмем–ка его и обсушим. Может быть, он еще живой.

Они внесли его в дом, и какой–то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мертвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогрывать у огня. Он открыл глаза и чихнул.

– А теперь, – сказал Большой Человек, – не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. “Беги Разузнай и Разнюхай” – начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки–Тикки был чистокровный мангуст он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал вокруг стола, сел на задние лапки, привел свою шерстку в порядок и вскочил мальчику на плечо.

– Не бойся, Тедди, – сказал Большой Человек. – Это он хочет с тобой подружиться.

– Ай, он щекочет мне шею! – вскрикнул Тедди.

Рикки–Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

– Вот чудеса! – сказала Теддина мать. – И это называется дикий зверек! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

– Мангусты все такие, – сказал ее муж. – Если Тедди не станет поднимать его с пола за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего–нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шерстку, чтобы высушить ее до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

“В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь не случилось разведать столько. Останусь тут и разведу все как есть”.

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжег себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улегся в постель, Рикки–Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разузнавать, в чем дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки–Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

– Не нравится мне это, – сказала Теддина мать. – Что если он укусит ребенка?

– Не бойся, – сказал отец. – Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползет змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах. К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человечесьем доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки–Тикки выбежал в сад – поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нем огромные – каждый куст, как беседка, – и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы. Рикки–Тикки даже облизнулся.

– Неплохое место для охоты! – сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щетка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи–то печальные голоса. Там, в терновнике, жили Дарзи, птица–портной и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух большущих листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

– Что случилось? – спросил Рикки–Тикки.

– Большое несчастье! – ответил Дарзи. – Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

– Гм, – сказал Рикки–Тикки, – это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из–под куста, послышалось негромкое шипение – страшный, холодный звук, который заставил Рикки–Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы все выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной черной кобры (ядовитая очковая змея; сзади, чуть пониже головы, у нее узор, похожий на очки. – Ред.), – и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

Когда треть его туловища поднялась над землей, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки–Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чем бы ни думал Наг.

– Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг – это я...

И он раздул свой капюшон (когда кобра сердита, она раздувает шею так, что получается подобие капюшона. – Ред.), и Рикки–Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь–в–точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно – на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки–Тикки никогда не видал живой кобры, так как мать кормила его мертвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

– Ну так что! – сказал Рикки–Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. – Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что если в саду появились мангусты, значит, и ему, и всему змеиному роду скоро придет конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть–чуть нагнул голову и, склонив ее набок, сказал:

– Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

– Сзади! Сзади! Оглянись! – пел в это время Дарзи.

Но Рикки–Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от нее. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить ее спину зубами: один укус – и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим страшным хвостом. Впрочем, он куснул ее, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов хвоста, оставив змею разъяренной и раненой.

– Гадкий, гадкий Дарзи! – сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.